

РАЗДЕЛ 3
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ, СОВРЕМЕННЫХ И БУДУЩИХ ИЗМЕНЕНИЙ

DOI 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-134-136

Батоева Дарима Баторовна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
batoeva@imbt.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В XVI–XVII ВВ.¹

В статье на основе летописных источников, опубликованных научных работ, фольклора представлена общая картина основных миграционных процессов, затронувших Забайкалье и этнические группы, исторически связанные с бурятским народом.

Ключевые слова: Забайкалье, миграции, монгольские племена, маньчжуры.

Batoeva Darima Batorovna
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

POLITICAL PROCESSES IN EASTERN ASIA AND THEIR INFLUENCE ON THE ETHNOCULTURAL SITUATION IN TRANSBAIKALIA IN 16th–17th CENTURIES

The article issues migration processes of ethnic groups, historically connected with the Buryat people in Transbaikal region.

Keywords: Transbaikal region; migrations; Mongols; Manchu.

В XVI в. в той части Восточной Азии, где располагалась зона этнокультурного контактирования монгольских и тунгусо-маньчжурских племен с народами Кореи и Китая, происходили значительные события, повлиявшие на сложение этнической карты региона. Масштабные переселения племен и их частей происходили сначала по направлениям с запада на восток, и с севера на юг. Военные кампании маньчжуров под предводительством Нурхаци привели к миграциям в обратных направлениях, но при этом маньчжуры всемерно старались остановить эти процессы и повернуть их вспять. Приход передовых российских отрядов в Забайкалье и Приамурье вновь внес корректировки в векторы миграций. В данной работе мы попытаемся дать краткий обзор основных миграционных процессов, так или иначе затронувших Забайкалье и этнические группы, исторически связанные с бурятским народом.

В маньчжурских документах рассказывается о происхождении правящей элиты населения княжества Хойфа, располагавшегося в центре Маньчжурии рядом с владениями собственно маньчжуров, а также княжеств Ула и Хада. Основным родом хойфа называют игдери, происходящий от племени нимача, жившего на берегах реки Хара-мурэн. Переселившись оттуда в местность Джару, они вошли в состав племени хаянха-тумэту [Daiçing ulus-un mongyul-un maγad qauli, 2013, с. 4]. Переселение с Хара-мурэна, как монголы называют Амур, произошло семью поколениями раньше 1607 года, т. е. приблизительно во второй половине, или даже в конце, XV в. Чем это было вызвано, источник не сообщает.

С переселением по линии запад – восток связано появление в бассейне Нонни (притока Амура) монгольского племени горлос. Упоминаемое в источниках XIII–XIV вв., как племя хорилар или куралас, оно около X в. отделилось от хори-туматов и поселилось среди онон-керуленских монголов. При Чингисхане часть горлосов стала людьми его матери Оэлун, другая часть – подданными Хасара. Первые из них жили на территории центральной Монголии и вошли в состав халхаского народа. Вторые населяли терри-

торию юго-восточного Забайкалья, где находился удел князей-хасаридов. Кроме них была еще одна ветвь этого племени, название которого претерпело изменения, вызванные особенностями бурятского языка. Речь о роде хурлад (в бурятском исчез суффикс мн. ч. -с, вместо него используется -д). Этот род попал в состав так называемых «старых баргутов» и дауров, а под названием горлуд в состав хамниган. В конце XVI в. горлосы уже отмечаются в бассейне Нонни.

Кроме горлосов следует упомянуть переселение из Забайкалья крупного монгольского этноса хорчин. Этот народ также управлялся князьями-хасаридами, уход которых отсюда в Восточную Монголию и в бассейн р. Нонни некоторыми исследователями связывается с периодом возвышения ойратов в первой половине XV в. [Uspensky, 2012, р. 232]. При этом сложение хорчинской этнической группы произошло до переселения, потому что память о народе с названием хорчин (аба хорчин) или хорчинол, населявшем ранее Баргузинскую долину в северном Забайкалье, сохранялась в фольклоре бурят и эвенков, а также была зафиксирована в бурятских летописях [Бурятские летописи, 1995, с. 178].

Новые хорчинские земли располагались на востоке современной Внутренней Монголии и граничили на юго-востоке с княжеством Ехэ, возглавлявшимся вышеупомянутым племенем хаянха-тумэту. Это загадочное племя было монгольским, прибывшим из «земли Джан». Тумэты смогли свергнуть власть правившего в регионе племени нара и основали собственную династию князей-бэйлэ, принявшую имя Ехэ. Позднее в маньчжурских документах употребляли двойное название ехэ-нара. История этого племени (или рода) особо интересна по той причине, что предположительно тумэты-ехэ связаны происхождением с крупнейшим бурятским племенем хори-тумат [Цыбикдоржиев, 2008, с. 34].

Таким образом, задолго до начала маньчжурских завоеваний в регионе происходили масштабные миграции населения, причем основными их направлениями были с запада на восток и с севера на юг. Пока нет данных о местности, откуда прибыли в Маньчжурию хаянха-тумэту.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4).

В 1593 г. Ехэ совместно с восемью другими племенами, в том числе племенами Хулунского союза (в составе Ехэ, Ула, Хада и Хойфа), осуществило поход на княжество маньчжуров Нурхаци, но потерпело поражение. В 1594 г. по данным бурятских летописей группа хоринских бурят ушла на северо-запад из владения некоего князя с маньчжурским титулом бэйлэ и поселилась на территории юга нынешнего Забайкальского края [Бурятские летописи, 1995, с. 7, 76]. Рассмотрение обратного направления этой миграции в общем выводит к центру Маньчжурии, что позволяет предполагать взаимосвязь событий. Следующее крупное переселение хоринцев состоялось в 1607 г. в том же направлении на северо-запад, причем постепенно они продвинулись до побережья Байкала и перешли на западную его сторону. В Маньчжурии в том году Нурхаци вел военные кампании против Хойфа и Ула, в которых с трудом, но смог победить. Княжество Хойфа было аннексировано маньчжурами [Внешняя политика государства Цин, 1977, с. 79].

Позднее маньчжурская политика завоеваний и переселений части населения завоеванных княжеств к центру своих владений привела к новым попыткам бегства на север и северо-запад. В 1636 г. маньчжуры преследовали «беглецов» из племени маоминган и попутно захватили людей из племени шилу в местности Кэмунихань вместе со старейшиной Елэем [Мелихов, 1974, с. 64]. Позднее Елэй сбежал на север и его пришлось преследовать вплоть «до Северного моря», привлекая войска приамурского князя Бомбогора.

В «Правдивых записях о монголах Цинской империи» говорится, что «Алай-дархан, отправленный вдогонку за перебежчиками муу-минганского племени, вернулся, захватив в местности Хамниган (кит. 喀木尼汉地方 *kā mù ní hàn dìfāng*, где 地方 *dìfāng* 'место, местность') 18 мужчин и 11 женщин из племени, занимающегося торговлей оленей» [[Daiçing ulus-un mongyul-un maγad qauli, 2013, с. 150]. В другом месте содержится такое указание: «Ранее хан приказал Алай-дархану взять большое войско нойонов внешней Монголии и отправиться вдогонку за перебежчиками племени муу-минган. Алай и его люди нагнал их на окраине северной Халхи... Также по дороге они захватили 35 дворов хамниган, состоящих из 110 человек, 305 лошадей» [Daiçing ulus-un mongyul-un maγad qauli, 2013, с. 146].

Совокупность данных позволяет очертить как район обитания племени оленеводов, так и направление бегства муу-минганов. Племя муу-минган было частью хорчинов (подданных князей-хасаридов), а преследование их продолжалось до «окраины северной Халхи», значит повстанцы бежали на север. Месторасположение былого удела Хасара в юго-восточном Забайкалье было в общих чертах известно маньчжурам, которые на этом основании пытались обосновывать свои притязания на территории. Указывая русским на то, что у тех территорий «владельцы есть живы, которые тою землею владели», маньчжуры вели свою дипломатическую игру во время переговоров о границе [Мясников, 1980, с. 238]. Любопытно, что из всех прежних насельников края маньчжуры более всего вспоминали о «племени маомингань». Глава маньчжурской делегации на переговорах в Нерчинске в 1689 г. Сонготу апеллировал к сочинению «Кайго фанлюэ», в котором упоминалось, что «живший некогда в Забайкалье эвенкийский род муминган («маомингань») откочевал на юг и продолжал там кочевать на землях бурят и урянхайцев» [Мясников, 1980, с. 239]. С поправкой на то, что муу-минганы не эвенкийский, а хорчинский род, следует принять во внимание маньчжурскую трактовку.

Упомянутая «местность» Хамниган на самом деле, конечно, является названием племенного союза, располагавшегося на юге современного Забайкальского края, который

входил в сферу влияния халхаского Сэцэн-хана. Муу-минганы не случайно пытались найти убежище именно там. Как сказано ранее, они, будучи частью хорчинов, в эпоху Монгольской империи некоторое время после обитали на этой земле, т. е. в 1630-х гг. они просто пытались вернуться на свою прародину.

Вопрос об идентификации «Северного моря» остается спорным. В китайской традиции так называют Байкал, но иногда такое же название применяют и к другим морям. В контексте истории побега хамниганского вождя Елэя и его преследования отрядом во главе с дзанги Шитэху можно допустить, что речь шла все-таки о Байкале, но информация о походе была несколько преувеличена. Иными словами, Елэй, возможно, стремился уйти к Байкалу, но был постигнут, не добравшись до него.

Попытки ухода хоринцев и муу-минганов в Забайкалье, дальнейшее движение первых к Байкалу и даже на западный его берег, а также история побега хамниганского Елэя демонстрируют четко выраженный северо-западный вектор миграций и в основном связанный с маньчжурской политикой. В этом же ряду следует рассматривать и восстание «солонгов» во главе с Бомбогором. Б. Д. Цыбенков считает Бомбогора князем из рода даур, которому подчинялись роды и племена разного происхождения на большой территории Амура и Зеи [Цыбенков, 2012, с. 52, 66]. Бомбогор, терпя поражения от маньчжуров, отступал на запад, добравшись в 1641 г. до местностей Ган и Чилутай восточнее современной Читы [Цыбенков, 2012, с. 68]. При этом в составе войск Бомбогора, по-видимому, находились беженцы из княжеств Хулунского союза. Так, одна из крепостей повстанцев называется «крепостью княжества Ула» (которое уже почти 30 лет как прекратило существование), а на обратном пути маньчжурский император Хунтайджи рекомендует войску, ведущему пленных, обходить территорию княжества Ехэ, потому что «узнав [родные] земли, при малейшей возможности люди могут попытаться бежать» [Daiçing ulus-un mongyul-un maγad qauli, 2013, с. 210, 211].

Монголоязычные дауры к началу XVII в. расселились на обширной территории от Витима на западе до бассейна Зеи в Приамурье на востоке. Около 1616 г. дауры начали сталкиваться с экспансией маньчжуров Нурхаци, походы которых в Приамурье продолжались в течение десятилетий. Для нас важно то обстоятельство, что в маньчжурских документах (на китайском языке) все эти походы в основном интерпретируются как действия против солонгов. Между тем, свидетельства русских документов 1640-1650-х гг. показывают многочисленные селения дауров примерно в тех же местах, где ранее оперировали маньчжурские отряды. Иными словами, маньчжурские документы упоминают почти исключительно солонгов, а русские – дауров, реже дочерев. Не исключено, что дочерами русские называли солонгов, в таком случае превалирующим (по крайней мере в военно-политическом смысле) этносом в этом регионе были дауры. Маньчжуры же по не вполне понятным причинам восточную часть дауров называли солонгами.

Длительная и упорная борьба дауров с маньчжурским завоеванием оказалась бесперспективной с момента наступления на них русских отрядов с запада. Оказавшись между двух огней, дауры вынуждены были выбрать ориентацию на маньчжуров. В 1651 г. отряд Е. Хабарова перед боем с даурами князя Гуйгудара столкнулся с тем, что в лагере князя находилось 50 маньчжуров, которые по словам дауров постоянно проживали в их улусе «для ясаку и с товары» до прибытия новой партии [Мясников, 1980, с. 75]. На протяжении 1630–1960-х гг. дауры и значительная часть солонгов были переселены вглубь Маньчжурии. Лишь в 1650-х гг. группа дауров во главе с князем Гантимуром сумела вер-

нуться в Забайкалье, где получила от русской администрации право управлять местным хамниганским населением Урульгинской степной думы. Тем не менее, с 1640-х гг. имели место и другие случаи бегства к бурятам отдельных групп монголов из Внутренней Монголии и Халхи.

С 1650-х гг. начинаются массовые переселения бурят разных племен в Халха-Монголию, что было вызвано столкновениями с русскими отрядами. Это движение не прекращалось на протяжении всего XVII в. и последняя крупная группа бурят (из числа хоринцев и хамниган) ушла за границу при подписании Нерчинского договора. В 1680-х гг. происходят не менее массовые возвращения бурятских беженцев на родину, а также переселения в Бурятию групп монгольского населения из Халхи и Внутренней Монголии,

вызванные войной с ойратами и политикой маньчжуров. Этот вопрос в науке относительно неплохо изучен, и мы не заостряем на нем внимания в рамках данной работы.

XVI–XVII века стали временем значительных переселений племен и политических группировок, вызванных прежде всего военными событиями, пагубно отражавшимися на хозяйстве и народонаселении. Военно-политические потрясения, связанные с маньчжурской экспансией и политикой в отношении завоеванных народов, вызывали бегство на территорию Приамурья и Забайкалья. Возвращающиеся на свою прародину группы бурят, хорчинов, дауров не только изменяли этническую карту региона, но и приносили с собой многочисленные элементы дальневосточной культуры [см. подр. Батоева, 2016; Батоева, 2017].

Литература

- Батоева Д. Б. Влияние маньчжурской культуры на монголов в период империи Цин // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 38 (80). С. 41–44.
- Батоева Д. Б. Одежда и прическа у маньчжуров и монголов: взаимовлияния и общее наследие / Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2017. № 6. С. 344–349.
- Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. 198 с.
- Внешняя политика государства Цин в XVII веке / ред. Л. И. Думан. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. 385 с.
- Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. 213 с.
- Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 2012. 251 с.
- Цыбикдоржиев Д. В. Походы эпохи Монгольской империи в летописях, родословных, фольклоре и традиционных культурах бурят // Мир Центральной Азии-2. Улан-Удэ, 2008. С. 33–41.
- Daiçing ulus-un mongyul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel. Köke-qota: Ebür mongyul-un suryal kümüjil-ün keblel-un qoriy-a, 2013. 1236 t.
- Uspensky Vladimir. Rivalry of the Descendants of Chinggis Khan and His Brother Khasar as a Factor in Mongolian History // Oriental Studies – Past and Present. Proceedings of the International Conference of Oriental Studies, Warsaw 2010. Rocznik Orientalistyczny 65 (1), 2012, pp. 231–235.